

Революция и модернизация: социально-экономические аспекты

© 2009 г. В.А. САБЛИН*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫНОК НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1917–1920-х годах

Знание конкретных механизмов функционирования и эволюции индивидуального крестьянского двора периода революции и Гражданской войны, взятых во взаимосвязи производственных и социальных факторов, позволяет оценить внутреннее содержание тех масштабных изменений, которые происходили в аграрной сфере страны этого времени, а также понять основы политики 1930-х гг. Набиравшая после начала Первой мировой войны силу тенденция централизованного регулирования производства и обмена в ходе революции 1917 г., как известно, трансформировалась в систему государственной хлебной монополии, твердых цен и ограничения продовольственного рынка¹. Процесс свертывания рынка определялся, в первую очередь, расширением продрозверстки, ликвидацией частной торговли², постепенным исчезновением крупных крестьянских дворов – основных производителей товарной продукции и углублявшейся натурализацией – «доведением хозяйства до размеров продовольственного участка»³. Разумеется, сыграла свою роль хозяйственная разруха и общее понижение уровня благосостояния населения.

Известно, что в 1918 г. основным инструментом государственной заготовки продовольствия являлись реквизиционно-закупочные отряды (продотряды), опиравшиеся в своей деятельности на комитеты деревенской бедноты. Следует отметить, что в течение этого года власть дважды (весной и осенью) предпринимала попытку заготовить продовольствие посредством товарообмена⁴, но оба раза неудачно⁵ (частично товарообмен использовался теми же продотрядами). Параллельно развивались абсолютно иные формы продуктообмена. Частный торговый оборот между городом и деревней полностью переместился в область рыночной и базарной торговли, мешочничества. Мешочничеством и лоскутничеством нередко занимались с целью спекуляции, но в основном это была стихийная форма добычи пропитания голодающим городским и сельским населением. Мешочники устремлялись в наиболее хлебные районы Никольского уезда Северо-Двинской губ., в Тотемский уезд Вологодской губ., в Шенкурский – Архангельской и др., порой отдавая последнее, что имели, для обмена на хлеб.

С переходом к продрозверстке в стране окончательно сложился механизм заготовки и нормированного распределения продуктов. Очевидец тех лет П. Нелаев писал о ситуации в северной деревне: «Все заняла карточная система. Делили по ложке на нос чай, полученный в кооперативе, ругались из-за пары платков, высланных на 70 кудлатых бабьих голов. Выстаивали дни у волпродагентов за получением 10 фунтов овса – паек на месяц. В деревне поселились продовольственные отряды, и день изо дня ходили комиссии по учету хлеба. Искали у зажиточных в сараях, чуланах, в клетях, в хлевах – хлеб»⁶. Значит ли это, что рынок окончательно перестал быть регулятором экономических связей между городом и деревней? Государственные усилия по запрещению

---

* Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

рынка загнали его в подполье, где он продолжал существовать, правда, в исковерканном, деформированном виде. Это касается, в первую очередь, самостоятельных заготовок продовольствия горожанами. По мере расширения деятельности Наркомпрода они сокращались, но, тем не менее, составляли в 1918 г. 75.2% от всей заготовленной и закупленной продукции, в 1919 г. – 53.51, в 1920 г. – 26.5%⁷. С июля 1919 г. по май 1920 г. объем продукции, приобретаемой горожанами трех северных губерний на рынке по вольным ценам путем обмена, платы за работу и т.п., составлял около 30–40%⁸. В конце 1920 г. рабочий и служащий Вологды вынужден был, чтобы обеспечить себя минимальной прожиточной нормой, приобретать две трети продуктов на вольном рынке⁹.

В этой ситуации определенная часть продуктов личного производства всевозможными путями уберегалась и утаивалась крестьянином с перспективой ее продажи или обмена. Но такую возможность имели далеко не все. С другой стороны, свертывание частного торгового оборота города и деревни приводило к относительному расширению внутридеревенского оборота сельскохозяйственных продуктов¹⁰. Рынок, перестроившись, продолжал играть важную роль в экономике, охватывая в разные годы не менее половины товарооборота страны.

Начало функционирования легальных механизмов рынка ряд современных исследователей связывает с опубликованием декрета СНК от 28 мая 1921 г. «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших разверстку»¹¹. Строго говоря, власть всерьез не помышляла о рынке до конца 1921 г. Основу политики в этом вопросе формировали идеи, высказанные В.И. Лениным еще в 1918 г. о безденежном товарообмене, как первом шаге на пути к глобальному продуктообмену между промышленностью и сельским хозяйством¹². Третья общегосударственная кампания по проведению товарообмена в стране провалилась как и две первые¹³. Не случайно уже летом 1921 г. в большинстве северных регионов натуральный обмен стал переходить в товарно-денежный¹⁴. Это привело руководство страны к осознанию того факта, что мелкое крестьянское хозяйство не в состоянии развиваться вне рынка. Не отказываясь от идей безденежного обмена продукции земледелия и промышленности, власть пошла на уступку крестьянскому сообществу, признав за ним право на куплю-продажу результатов своего труда. Это нашло выражение, начиная с 1922 г., в постепенной легализации частного торгового капитала в сфере не только мелкой, но также крупной и средней розничной и оптовой торговли, в расширении государственной и, в особенности, кооперативной торговли.

Допустив частную торговлю, власть при любой возможности стремилась ее изжить, а во второй половине 1920-х гг. в торговой политике все более явственно проступал курс на ее вытеснение из экономики. Товары у крестьян покупали преимущественно государственные торговые организации и кооперативные лавки. Данные о динамике товарного оборота в регионе за 1923–1929 гг. – красноречивое тому свидетельство. В Архангельской губ. удельный вес частной торговли в посреднических операциях снизился за 1924/25–1927/28 гг. с 8.4 до 5.4%, в Вологодской это сокращение было катастрофическим – с 32.8 в 1923/24 г. до 6.5% в 1927/28 г., в Северо-Двинской – за 1925/26–1927/28 гг. – с 7.98 до 4.05%, в АО Коми – с 3.8 в 1924/25 г. до 1.3% в 1929 г.¹⁵

В годы нэпа, на селе наряду с патентованной торговлей возродилась и получила широкое распространение и более традиционные ее формы – ярмарочная и базарная. Возрождение ярмарок можно отнести к 1921 г. С этого года в АО Коми, например, в Усть-Сысольске, стала проводиться Георгиевская ярмарка, были восстановлены Усть-Вымская (Герасимовская), Важгортская (Крещенская) и Сторожевская (Афанасьевская) ярмарки¹⁶. В 1923–1925 гг. в АО Коми были возрождены 7 из 14 существовавших до 1917 г. ярмарок. В Вологодской губ. в 1924/25 г. функционировали 44 ярмарки¹⁷. В Северо-Двинской губ. в 1925 г. проводилось 67 ярмарок и 56 торжков.

Данные об обороте ярмарочной торговли весьма скудны и приблизительны. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что он последовательно увеличивался. Сравнение данных по четырем одним и тем же ярмаркам АО Коми за 1922/23 г. и 1923/24 г. по-

казывает увеличение оборотов за два года, более чем в 2,5 раза (41 633 руб. и 106 081 руб.). Тем не менее, даже в наилучший по показателям 1924/25 г. ярмарочный оборот едва достигал 18,7% от довоенного уровня. Среди торговавших ведущее место в ярмарочном обороте занимали государственные и кооперативные организации (98,8%), на долю частного, исключая крестьянскую торговлю «с воза», приходилось лишь 1,2% оборота. Крестьянская ярмарочная торговля в АО Коми отражала специфику крестьянского производства этого района. Крестьяне продавали в основном пушнину (53,4% общей суммы продажи), кожсырье (10,3%), коровье топленое масло (до 7,7%), дичь, рыбу и пр. Основу покупок составляли хлеб и продукты питания (свыше 25% оборота по продаже торговых организаций), мануфактура (23,4%), бакалейно-колониальные товары (11,6%), и пр.¹⁹

Наряду с отмеченными формами торговли в деревне традиционно сохранялась и развивалась меновая форма обмена продуктами между односельчанами, минуя посредника и рынок. Например, в 1923/24 г. в Карельской АССР, в совокупном объеме продаж продуктообмен составлял 42,4%, что составляло 87,04 % всех отчужденных сельскохозяйственных продуктов. В свою очередь, посредством обмена в хозяйство попадало 52,45% сельхозпродуктов. Более того, 19,37% промышленных товаров также приобретались посредством обмена. В итоге доля меновых операций среди покупок двора составляла 43,95%²⁰.

В Вологодской губ. долгое время существовал значительный оборот продуктов и товаров, происходивший в порядке натуральной оплаты трудовых услуг. Кроме того, сохранялся небольшой односторонний и безденежный поток произведенных в крестьянском хозяйстве материальных благ – уплата натуральной части единого сельскохозяйственного налога. Ценность продуктов, отдававшихся крестьянином за работы и услуги, выполненные для его хозяйства посторонними лицами, составляла 20,4% от общей суммы отчуждений. Сдача продуктов по налогу по причине преобладания в 1923/24 г. денежной формы уплаты налога занимала более скромное место (0,9% от общей суммы отчужденного). Что касается оплаты натурой трудовых услуг, полученных крестьянским хозяйством, то они составляли более значительную сумму – 30 руб. (32,7% от всех приобретений).

Оборот продуктов по поводу трудовых услуг и сдача их по налогу в 1923/24 г. являлись своего рода рудиментом эпохи натурализации крестьянского хозяйства. В перспективе, по мере развития денежных отношений, эти натуральные операции уступали место сделкам купли-продажи, что не могло не служить свидетельством укрепления товарно-денежных отношений в деревне. По данным бюджетной статистики, уже в 1924/25 г. в Северо-Двинской губ. в общей сумме, вырученной крестьянскими хозяйствами от продажи сельскохозяйственной продукции, отданное в обмен составляло лишь 16,2%, тогда как в 1923/24 г. – 64,3%. В составе покупок полученное в обмен в 1923/24 г. выражалось в 51,7%, в 1924/25 г. – в 12,1%. В Карельской АССР в 1924/25 г. 53,05% сделок от продажи сельхозпродукции совершалось в натуральной форме, в то время как покупки составляли лишь 12,06 %. Натуральный обмен равнялся лишь 22,3% от всего объема продаж и 7,83% от всей массы приобретений²¹. Если в целом по Северному району в 1923/24 г. денежная составляющая крестьянских продаж и обмена равнялась 79,8%, то в 1925/26 г. она равнялась уже 93,2%, а в Карельской АССР – 82,5 и 83,8% соответственно²².

Натуральный обмен, как правило, сопутствовал торговым сделкам, совершаемым между крестьянами и частным посредником, зачастую из тех же крестьян, и, в особенности, был присущ торговым операциям внутри деревни между односельчанами. В ряде случаев к посредничеству натурообмену прибегали торговые агенты государства и кооперации. Важней в этой связи подчеркнуть другое: в первой половине 1920-х гг., значительная часть товарного продукта, произведенного крестьянскими хозяйствами, совершала так называемый «малый круг оборота» (деревня-кустарь), в отличие от «большого круга» (деревня-фабрика)²³, не доходила до города. Данные специального обследования товарности крестьянских хозяйств Архангельской губ., проведенного в

1923/24 г., предоставляют на этот счет весьма убедительные аргументы²⁴. В соответствии с ними, внутри деревни сбывалось 93.6% картофеля, 92.7 – фуража, 30.8 – скота, 51.5% грибов. Из общих объемов покупок у односельчан приобреталось соответственно 7% зерна и муки, 23.8 – сельскохозяйственного инвентаря, 22.6 – обуви, 18.7 – готовой одежды, 15% строительных материалов, и т.д. В 1923/24 г. в Крайнем Северном районе 43.7% проданной зерновой продукции сбывалось внутри деревни, в Северном – 33%. В 1924/25 г. размер продаж резко сократился (в 7 раз в Крайнем Северном и в 2 раза в Северном районах)²⁵.

В зависимости от принадлежности двора к той или иной посевной группе денежный оборот крестьянского хозяйства был связан с различными контрагентами. В 1924/25 г. в Крайнем Северном районе внутри деревни сбывалось в среднем 37.2% продукции сельского хозяйства, причем в хозяйствах с посевом от 1.2 до 2.2 га – 50.1%, в беспосевных – 41%. В Северном районе внутридеревенские продажи охватывали 24.9% продаж. Наибольшей связью с внутридеревенским рынком отличались дворы с посевом от 2.3 до 4.4 га (28.9% от всей проданной сельскохозяйственной продукции). Удельный вес покупок сельскохозяйственной продукции внутри деревни возрастал по мере укрупнения посевной группировки и составлял в Крайнем Северном районе примерно 19.4%, в Северном – 33.8%. Обращает на себя внимание различная степень связанности с деревенским рынком беспосевных дворов. В Крайнем Северном районе дворы данной группы приобретали у односельчан лишь 7.3% продуктов сельского хозяйства, в то время как в Северном – 68.1%. Данному факту легко найти объяснение в крайней узости сельскохозяйственного рынка в районах Крайнего Севера.

Покупка промышленных товаров внутри деревни равнялась в том и другом районе 7.2 – 7.8% от общего объема приобретений. Но если в Северном районе крестьянские покупки промышленных товаров внутри деревни были приблизительно однородны, то в Крайнем Северном с внутридеревенским рынком были больше связаны крупные хозяйства.

Во второй половине 1920-х гг. удельный вес внутридеревенского оборота в рыночных связях крестьянского хозяйства несколько изменился, но по-прежнему составлял значительную величину. В Северном районе в 1926/27 г. 30.9–47% сельскохозяйственных продуктов продавались в пределах села, а в Ленинградской обл. и Карельской АССР – свыше половины всей продукции²⁶. В АО Коми среди контрагентов крестьянских продаж в течение октября–декабря 1926 г. доля государственных торговых учреждений составляла всего лишь 16.58%, кооперации – 22.34%. В роли основного покупателя крестьянской продукции выступал частник. На его долю приходилось 61.08% крестьянских продаж, из них 25.74% – на долю односельчан, 26.34% – крестьян соседних деревень. В общей сложности 52.08% объема продажных сделок приходилось на внутридеревенский оборот. Основу отчуждаемого продукта в этих сделках, как, впрочем, и во всей продаже, составлял живой скот. Покупка продуктов в эти месяцы отличалась качественно иными пропорциями. На долю внутридеревенской торговли приходилось лишь 15.26 % всех закупок, в том числе 12.74 % сельскохозяйственной продукции (главным образом сена, живого скота и продуктов животноводства).

В конечном итоге, полностью исчезнуть в деревне товарообмен не мог, во-первых, в силу экономической природы крестьянского хозяйства, во-вторых, из-за слабости и недостатка оборотных средств в торговой и заготовительной сети. В результате для сбыта продукции своего хозяйства и удовлетворения потребности в промышленных товарах крестьянин сплошь и рядом вынужден был иметь дело с посредником между ним и госторговлей (зачастую таким же крестьянином). «Для этого посредника, естественно, была двойная выгода от товарообменной сделки: дороже расценивался привозной товар и дешевле сельскохозяйственный продукт», – отмечал А.Г. Дербенев²⁷.

В контексте достаточно ярко выраженной локализации товарных отношений крестьянского хозяйства весьма важным является анализ внедеревенской системы оборота сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, государственных закупок. В силу своеобразия крестьянского производства на Европейском Севере закупки сель-

Соотношение валовых сборов и завоза зерна в северных губерниях в 1925–1927 гг.

Губернии	1925/26 г.			1926/27 г.		
	Валовой сбор (т)	Ввоз (т)	% ввоза к валовому сбору	Валовой сбор (т)	Ввоз (т)	% ввоза к валовому сбору
Архангельская	51 801	56 404	108.9	43 512	85 307	196.1
Вологодская	388 473	54 293	14.0	382 091	72 393	18.9
Северо-Двинская	228 134	21 119	9.3	225 459	22 708	10.1
Итого	668 408	131 816	19.7	651 062	180 408	27.7

Составлено по: Докладная записка Вологодского губплана по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР. Вологда, 1928. С. 18.

скохозяйственной продукции не включали в себя хлеб и зернофураж. Напротив, регион постоянно испытывал недостаток этих продуктов и вынужден был ввозить их во все возрастающих объемах. Например, в 1923/24 г. в Северодвинской губ. в совокупном объеме зерновой продукции, оцениваемом в 11 966 246.73 довоенных руб., ввозная продукция равнялась 2 924 945.12 руб. (24.4%). При этом следует отметить, что размер потребления зерновых культур составил в губернии 12 274 068.01 руб.²⁸ В АО Коми зерновая продукция оценивалась в 1926/27 г. в 2 789 тыс. руб., что составляло 36.6% от всего завоза, в 1927/28 г. – 2 770 тыс. руб. (29%)²⁹. Объем ввозимого в Архангельскую, Вологодскую и Северо-Двинскую губ. зерна также постоянно увеличивался и в 1925/26 г. составлял 19.7%, в 1926/27 г. – 27.7%. Увеличение ввоза было связано с падением валовых сборов зерна. В 1926/27 г. завоз в два раза превысил объемы собранного в губернии зерна (см. табл.).

Потребителем покупного хлеба были не только горожане, но в значительной степени и крестьянские хозяйства региона. Доля их участия в покупках хлеба была различной в зависимости от экономической мощности двора. Согласно подсчетам ЦСУ, произведенным на основе анализа экспедиционных бюджетов 485 хозяйств четырех субъектов (без Карельской АССР) северного региона России, в 1924/25 г. доходная часть индивидуального хлебофуражного баланса крестьянского двора в среднем на 8.1% формировалась из покупного хлеба. В хозяйствах с посевом от 0.1 до 2.1 дес. доля покупного хлеба составляла 11% натуральных поступлений, с посевом от 2.1 до 4.1 дес. – 6.5%. Учитывая, что хозяйства, относимых к этим двум посевным группам, в регионе было абсолютное большинство (100% в Архангельской губ. и АО Коми, 91.25% – в Северо-Двинской и 87.5% – в Вологодской губ.)³⁰, несложно представить, в каких объемах северная деревня нуждалась в привозном хлебе, тем более, что даже в хозяйствах, засевавших свыше 8.1 дес, доля закупленного хлеба в продовольственном балансе хозяйства составляла около 1 пуда (1.1%).

Особенно большой дефицит хлеба ощущался в Карельской АССР. Известно, что к середине 1920-х гг. здесь еще не завершилось восстановление полеводческого хозяйства, но даже и при нормальном состоянии сельскохозяйственной отрасли население расходовало произведенную продукцию задолго до получения нового урожая. Основу приходной части баланса зерновых хлебов Карельской АССР в 1924/25 г. составляли ввоз (43.36%), валовая продукция (36.69%) и запасы крестьянских хозяйств и торгующих предприятий (19.95%), тоже формировавшиеся за счет ввозного хлеба. Шел хлеб в основном на крестьянское потребление (76.64%) и в запасной фонд зерна в крестьянских хозяйствах (4.86%). На долю городского населения приходилось лишь 18.5% его расхода³¹.

В Архангельской губ. основу приходной части баланса зерновых хлебов в 1925/26–1928/29 гг. также составляли ввоз (40–60%), валовая продукция (31–38%) и запасы (16–19%). Потребление крестьянского населения с учетом закупленных запасов составляло в 1925/26 г. – 77.99%, в 1926/27 г. – 72.58, в 1927/28 г. – 76.97, в 1928/29 г. – 77.59%

расхода хлеба. Даже в «земледельческой» Вологодской губ. хлебофуражный баланс без ввозимого извне хлеба был в массе своей дефицитным. Объем ежегодно ввозимого в губернию хлеба равнялся в 1924/25 г. 9% от валового сбора и произведенных запасов, в 1925/26 г. – 11.8, в 1926/27 г. – 15.2 и в 1927/28 г. – 12.8%. Ввоз хлеба в губернию составлял в 1924/25 г. 15.7% годовой продовольственной потребности, в 1925/26 г. – 19.3, в 1926/27 г. – 24.8, в 1927/28 г. – 21.1%³².

Вполне естественно, что товарный избыток хлеба могли иметь только крупные, многопосевные дворы, каких на Европейском Севере было весьма немного. В Северо-Двинской губ. в 1925/26 г. потенциальными продавцами хлеба выступали лишь 24 240 крестьянских хозяйств с посевом свыше 3.1 дес. (18.5% хозяйств). Избыток хлеба в этих дворах равнялся 842.5 тыс. пуд. Абсолютное большинство дворов в той или иной степени нуждалось в хлебных покупках. Недостаток хлеба у них составлял 2 197.6 тыс. пуд. В итоге общий хлебный баланс губернии имел дефицит в 1 355.1 тыс. пуд.³³ По сведениям, относящимся к 1928/29 г., хлебом, предназначенным для продажи, обладали только так называемые мелкокапиталистические хозяйства и только в Северном районе. Объем продаж в хозяйствах этого типа на 2 центнера превышал покупку. Во всех остальных регионах крестьянские дворы всех типов имели отрицательные показатели чистой товарности зернофуража.

В конечном итоге, масштабного товарного фонда хлебопродукции собственного производства на Севере не сложилось. Небольшие партии хлеба продавались или обменивались внутри деревни, что в целом не влияло на общую картину состояния рынка. Государственные заготовки хлеба в Северном районе составляли ничтожную величину и в 1925/26 г. равнялись 7 730 т (1% от валового сбора), в 1926/27 г. – 7 110 т (0.9%), в 1927/28 г. – 6 176 т (0.8%)³⁴. Несмотря на это, в 1927/28 г. в период так называемого хлебозаготовительного кризиса была предпринята попытка массовой закупки хлеба наряду с производителями центрами и в северных регионах страны. По данным Наркомторга СССР общий размер заготовок на Европейском Севере был равен 390.6 тыс. т. В Северо-Восточном районе его основу составляла рожь (171.6 тыс. т), в Ленинградско-Карельском – пшеница и крупяные (70.6 тыс. т). Но в совокупности объем заготовок в двух районах был невелик и равнялся 0.1% от всех заготовок в РСФСР³⁵.

Более значимое место во внедеревенском отчуждении занимали продукция животноводства, технические культуры, различного рода сырье. Из-за разности единиц измерения, оценки и весовых единиц, применяемых в различные годы, выявить общую динамику заготовок этих продуктов довольно сложно³⁶. Судя по данным Наркомата торговли СССР за 1926/27–1927/28 гг., заготовки на Севере значительно расширились: по мясу – с 357 до 439.2 тыс. т, т.е. в 1.2 раза, по животному маслу – с 563 до 587 тыс. т (в 1.04 раза), по маслосеменам (льняному и конопляному семеню) – с 82.8 до 165.2 тыс. т (в 2 раза), по шерсти – в 4.6 раза и т.д. В роли заготовителей выступали кооперация и государственные организации. Частник изначально был отстранен от всякого рода заготовок³⁷. Усилиями кооперативных и государственных закупочных структур «снялся» весь сырьевой товарный фонд региона. Правда, доля отдельных территорий в закупке сельскохозяйственного сырья была различной. По данным, относящимся к 1925/26 г., ведущую роль в заготовке масла (88.79% от всех заготовок по региону) и крупного кожсырья (50.25%) играла Вологодская губ. с ее развитым молочно-животноводческим хозяйством. Ей же и Северо-Двинской губ. принадлежало лидерство в заготовках льноволокна и кудели. В Архангельской губ. льноводство вообще не носило товарного характера³⁸. В АО Коми в 1925/26 г. было закуплено лишь 17.4 т³⁹.

Суммарный вес реализуемых на внедеревенском рынке продуктов в середине 1920-х гг., по мнению В.П. Данилова, не превышал на Европейском Севере 10–15% от всей сельскохозяйственной продукции, производимой в крестьянском хозяйстве⁴⁰. Чтобы убедиться в правильности данного вывода, в анализ крестьянского рынка следует ввести коэффициент чистой товарности: отношение объемов чистого отчуждения (валовое отчуждение минус обратные покупки) к объему валовой продукции. Исключив из рассмотрения период Гражданской войны и начало 1920-х гг., когда связь крестьянского

двора с народнохозяйственным организмом осуществлялась посредством принудительных фискальных мер, приходим к выводу, что в 1922/23 г. за пределы северной деревни отчуждалось всего лишь 0.98% всей сельскохозяйственной продукции крестьянского двора, в 1923/24 г. – 3.7% продукции. В Усть-Куломском уезде АО Коми в 1924 г. на неземледельческом рынке оборачивалось, по моим подсчетам, примерно 3.2% всей сельскохозяйственной продукции крестьянского хозяйства⁴¹. Л.Н. Литошенко полагал, что в вологодской деревне в 1923/24 г. во внедеревенский оборот отпускалось около 2.2% валовой продукции двора⁴².

В 1925/26 г. коэффициент чистой товарности в расчете на душу населения в Северном районе составлял 6.13%, в Карельской АССР – 8.2%⁴³. Учитывая снижение показателей валовой и чистой товарности двора во второй половине 1920-х гг., уровень внедеревенского отчуждения, зафиксированный в 1925/26 г., следует признать наивысшим. Памятуя о том, что бюджетная статистика имела дело с более состоятельными и более рыночными по своей природе крестьянскими хозяйствами, внедеревенский оборот сельскохозяйственной продукции крестьянского хозяйства в регионе не превышал 6–7%.

Таким образом, уровень торгово-экономических связей крестьянского двора с народно-хозяйственным механизмом региона и страны оставался минимальным. Большая часть товарной продукции двора замыкалась в рамках внутридеревенского оборота.

Примечания

¹ Более подробно о развитии рынка в 1917–1921 гг. см.: *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. С. 68–98, 265–282.

² К ноябрю 1918 г. в Вологодской, Олонецкой и Северо-Двинской губ. была ликвидирована частная оптовая торговля и проведена «частичная национализация и муниципализация» торговли. Правда, в Архангельской губ. до антибольшевистского переворота в августе 1918 г. в полном объеме сохранялась частная оптовая торговля. См.: *Вестник Народного комиссариата торговли в промышленности.* 1919. № 7/8. С. 41–44.

³ *Чубаков Г.* К вопросу об изменении в скотоводстве в крестьянском хозяйстве за период 1916–21 гг. // *Сельское и лесное хозяйство.* 1922. № 5–6. С. 64.

⁴ Термин широко использовался в те годы. Зачастую в него вкладывался двоякий смысл: 1) продуктообмен – безденежный обмен продуктами. 2) государственный товарообмен – товарные отношения (купля-продажа), в основу которых положены ценовые эквиваленты.

⁵ См. подробнее: *Давыдов М.И.* Государственный товарообмен между городом и деревней в 1918–1921 гг. // *Исторические записки.* Т. 108. 1982. С. 33–55; *Дихтяр Г.* Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 86; *Дмитренко В.П.* Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 116–122; *Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 148–150.

⁶ *Нелаев П.Д.* – Как живет наша деревня. Описание Вотложемской волости Северо-Двинской губернии. М.; Л., 1927. С. 21.

⁷ *Струмилин С.Г.* На плановом фронте, 1920–1930 гг. М., 1980. С. 33.

⁸ См.: Состояние питания городского населения СССР. 1919–1924 гг. По данным периодических обследований питания населения, производимых отделом статистики потребления ЦСУ. Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. М., 1926. С. 118–119, 128–129, 138–139, 142–143.

⁹ *Дроздова А.* К вопросу о прожиточной норме рабочих и служащих Вологды // *Статистический вестник Вологодской губернии.* 1921. № 2. С. 18–21.

¹⁰ Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С. 7, 46.

¹¹ *Филимонов Б.Я., Журов Ю.Б., Будаев Д.И.* История крестьянства западного региона России 1917–1941. Калуга, 2002. С. 242.

¹² «Целый ряд декретов и постановлений, громадное количество статей, вся пропаганда, все законодательство с весны 1921 г. было приспособлено к поднятию товарообмена», – признавал Ленин. См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 45.

¹³ См. подробнее: Потребительская кооперация Республики Коми. Очерки истории. Сыктывкар, 2000. С. 34–35.

¹⁴ *Рапопорт Ю.М.* Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917–1925. Л., 1984. С. 123.

¹⁵ Подсчитано по: Два года работы Северо-Двинского губернского исполнительного комитета (с 1 апреля 1927 по 16 марта 1929 г.). Великий Устюг, 1929. С. 82; Контрольные цифры народного хозяйства Архангельской губернии на 1927–28 год. Архангельск, 1928. С. 55. Приложение. С. 12–14; Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год. Вологда, 1928. С. 188–189; Материалы к XVII Во-

логодской губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1927. С. 61; Потребительская кооперация Республики Коми ... С. 153–154, 158.

¹⁶ Голованов Н.В., Мацук М.А. Пути развития торговли в Коми в XX в. Сыктывкар, 1999. С. 48.

¹⁷ В том числе в Вологодском уезде – 11 ярмарок, в Вельском – 10, в Кадниковском – 8, в Каргопольском – 6, Тотемском – 8, из них самая крупная, Вологодская (в губернском центре), длилась 15 дней с 1 по 15 февраля. См.: Отчет о деятельности Вологодского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1924–25 хозяйственный год. Вологда, 1926. С. 201.

¹⁸ Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1924–25 хозяйственный год. Усть-Сысольск, 1925. С. 251.

¹⁹ Подсчитано по: Коми область. Экономический обзор. Ч. I. Усть-Сысольск, 1926. С. 213–214.

²⁰ Рыночный оборот крестьянского хозяйства (по бюджетным исследованиям 1924 и 1925 гг.) // Экономика и статистика КАССР 1925. № 1–3. С. 114–119.

²¹ Литошенко Л. Крестьянское хозяйство и рынок // Экономическое обозрение. 1925. № 5. С. 32.

²² Равич Г. Денежный баланс крестьянского хозяйства // Статистическое обозрение. 1927. № 5. С. 11–13.

²³ Филимонов В.Я. и др. Указ. соч. С. 245–246.

²⁴ Товарность крестьянских хозяйств Архангельской губернии: Опыт анкетного исследования товарных элементов крестьянских хозяйств Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 42–43.

²⁵ Рыночный оборот крестьянских хозяйств. Вып. 1. М., 1928. С. 45.

²⁶ Крылов М. Контрагенты крестьянского рыночного оборота за II–III кварталы 1926/27 г. // Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 19.

²⁷ Дербенев А.Г. Рыночный оборот крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии в 1924–25 году // Бюллетень Северо-Двинского губернского статистического бюро. 1926. № 1. С. 2.

²⁸ Подсчитано по: Великоустюгский центральный архив (далее – ВЦА), ф.Р-476, п. 1, д. 341. л. 13.

²⁹ Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926/27 – 1927/28 годы. Усть-Сысольск, 1929. С. 193.

³⁰ РГАЭ, ф. 1562, оп. 3, д. 4, л. 1.

³¹ Гильберт И.Ф. Баланс сельского хозяйства КАССР за 1924–25 г. // Экономика и статистика КАССР. 1927. № 1–3. С. 157–158, 160–161.

³² Контрольные цифры народного хозяйства Вологодской губернии на 1927–28 год. Вологда, 1928. С. 22, 166–169.

³³ ВЦА, ф. Р-476, оп. 1, д. 388, л. 6.

³⁴ Основные элементы и продукция сельского хозяйства СССР за 1925/26–1928/29 гг. С приложением предположительного хлебофуражного баланса на 1928/29 г. М., 1928. С. 66–79; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сб. статист. сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 294–339.

³⁵ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 704–705.

³⁶ Разноуровневая информация на этот счет содержится в ряде исследований, статистических публикаций и документальных отчетов. См.: Два года работы Северодвинского губернского исполнительного комитета с 1 апреля 1927 г. по 16 марта 1929 г. С. 86–87; Материалы к XVII Вологодской губернской конференции ВКП (б). Вологда, 1927. С. 62; Отчет областного исполнительного комитета Коми автономной области за 1926/27–1927/28 годы. С. 190–193; Отчет Северо-Двинского губисполкома (18 февраля 1926–21 марта 1927 г.). Великий Устюг, 1927. С. 76–77; Потребительская кооперация Республики Коми... С. 155–157.

³⁷ Материалы к XVII Вологодской губернской конференции ВКП (б). С. 62.

³⁸ Докладная записка Вологодского губплана по вопросу областного районирования северных губерний РСФСР. Вологда, 1928. С. 18.

³⁹ Потребительская кооперация Республики Коми... С. 155.

⁴⁰ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Социальная структура, социальные отношения. С. 176.

⁴¹ Национальный архив Республики Коми, ф. Р-140, оп. 1, д. 1015, л. 1–3 об.

⁴² Литошенко Л. Крестьянское хозяйство и рынок... С. 35–38.

⁴³ Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г. С. 136–143.